

Музыкальная культура народов России

Научная статья

УДК 781.7

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.177-187

К вопросу эволюции этномызыкальной системы (на материале песенных традиций верхнеокских сёл Тульского региона)

Юлия Владимировна Гайсина

*Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва, Россия,
j.gaysina@gnesin-academy.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2073-681X>*

Аннотация. Предметом исследования в статье выступают современные механизмы модификации этномызыкальной системы на примере региональной песенной традиции, локализованной на территории Тульской области в верхнем течении реки Оки. Анализируются записи фольклорно-этнографических экспедиций, проводившихся в период с середины 1970-х по начало 2020-х годов. Методология исследования основана на положениях научных трудов Е. В. Гиппиуса, Б. Б. Ефименковой, М. А. Енговатовой в русле структурно-типологических исследований. В статье рассматриваются параметры видоизменения этномызыкальной системы с точки зрения бытования песенных жанров и структуры жанровой системы, включая механизмы замещения древних напевов более поздними. Проанализированы тенденции развития ладового строения корпуса напевов, обозначены механизмы «осовременивания» музыкального языка и особенности корреляции напевов поздней стилистики с древними ангемитонными напевами, взаимовлияния трихордовой ангемитоники и диатоники инструментальных наигрышей. В статье также прослеживаются пути трансформации ритмических структур, причины «ухода» таких жанров, как святочные загадки, а также принципы включения в систему явлений поздней городской стилистики (частушек в роли веснянок, свадебных в роли масленичных песен). Характеристика данной этномызыкальной системы с позиций современных тенденций её преобразования ранее не была отражена в научных трудах, чем обусловлена научная новизна настоящей статьи.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, этномызыкальная система, региональная песенная традиция, аутентичное исполнительство

Для цитирования: Гайсина Ю. В. К вопросу эволюции этномызыкальной системы (на материале песенных традиций верхнеокских сёл Тульского региона) // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 177–187. DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.177-187

Благодарности: Низкий поклон моему научному руководителю Маргарите Анатольевне Енговатовой, искренняя благодарность педагогам и научным сотрудникам Российской академии музыки имени Гнесиных, уважаемым коллегам Ларисе Белогуровой, Екатерине

Дороховой, Инессе Никитиной, Варваре Калюжной, Игорю и Ирине Климовым, Елене Степновой, представителям администрации Тульской области, а также народным исполнителям, хранящим уникальное музыкальное искусство предков.

Musical Culture of Russia

Original article

Concerning the Question of the Evolution of an Ethno-Musical System (on the Materials of the Song Traditions of the Upper Oka Villages of the Tula Region)

Yuliya V. Gaisina

*Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia,
j.gaysina@gnesin-academy.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2073-681X>*

Abstract. The object of research in the article is formed by the contemporary mechanisms of modification of the ethno-musical system on the example of a regional song tradition localized on the territory of the Tula Region in the upper flow of the Oka River. Analysis is made of folklore-ethnographic expeditions carried out during the period from the mid-1970s until the early 2020s. The methodology of research is based on the positions of scholarly works by Evgeny Gippius, Borislava Efimenkova, and Margarita Engovatova in the vein of structural-typological research works. The article examines the parameters of the ethno-musical system from the perspective of the existence of song genres and the structure of the genre system, including the mechanisms of replacement of ancient melodies with newer ones. Analysis is made of the tendencies of development of the modal structure of a number of melodies, and indication is made of the mechanisms of “modernization” of the musical language and the peculiarities of correlation of the melodies of a later style with early anhemitonic melodies, the mutual influence of trichordal anhemitonicism with the diatonicism of the instrumental tunes. The article also traces out the paths of transformation of rhythmic structures, the reasons for the “departure” of such genres as Christmas riddles, as well as the principles of inclusion into the system of phenomena of the later urban style (“chastooshka” ditties in the role of spring folk songs, wedding songs in the role of shrove-tide songs). The characteristic feature of the present ethno-musical system from the positions of the present-day tendencies of its transformation has not been reflected previously in scholarly works, wherein the novelty of the present article is stipulated.

Keywords: folk music, ethno-musical system, regional song tradition, authentic performance

For citation: Gaisina Yu. V. Concerning the Question of the Evolution of an Ethno-Musical System (on the Materials of the Song Traditions of the Upper Oka Villages of the Tula Region). *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2023. No. 4, pp. 177–187. (In Russ.)

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.177-187

Acknowledgements: I wish to express my sincere gratitude to my academic advisor Margarita Engovatova, to my honored colleagues Larisa Belogurova, Ekaterina Dorokhova, Inessa Nikitina, Varvara Kalyuzhnaya, Igor Klimov and Irina Klimova, Elena Stepnova, to the representatives of the administration of the Tula Region, as well as to the folk singers who are preserving the unique musical art of their forefathers.

Каждая региональная песенная традиция как этномузыкальная система представляет собой уникальный культурный феномен, функционирующий и развивающийся в соответствии с определёнными закономерностями, обусловленными спецификой её жанровой системы, звуковысотного строя, корпуса ритмических форм и, конечно же, культурной средой более масштабного плана, в контексте которой она сформировалась. Изменение песенной традиции — процесс довольно быстрый, динамичный: многие исследователи, работающие в фольклорно-этнографических экспедициях, констатируют, что по прошествии буквально трёх десятилетий песенная система может измениться почти до неузнаваемости. Приезжая в одно и то же село спустя нескольких десятков лет, можно обнаружить, что с обновлением состава носителей традиции из бытования ушли наиболее архаичные песенные жанры и уникальный музыкальный стиль, изменилась манера пения, модифицировались напевы и ритмические формы. В таких случаях многие говорят о деградации песенной системы, об утрате её индивидуальных черт, разрушении жанровой системы и т. д. И если собиратели XIX века отмечали, что наиболее древние жанры, воспроизводимые народным исполнителем, будучи «не в его время сложены», обычно «сохранялись народом с огромным почтением» [1, с. 46], то теперь «почтения» к старым песнопениям у новых поколений всё меньше и меньше. В частности, Т. Шастина в одной из своих работ подчёркивает: «Начиная с послед-

них десятилетий XX века... аутентичное исполнительство песни, наигрыша, танца утратило бытование почти во всех регионах России. Явно наблюдающиеся процессы затухания крестьянского песенно-инструментально-танцевального творчества высветили угрозу необратимости потери самобытности локальных певческих традиций...» [2, с. 120–121].

В настоящей статье предлагается рассмотреть данное явление более подробно на примере песенных традиций верхнеокских сёл Тульского региона, составивших на рубеже XX и XXI столетий единую стилевую этномузыкальную систему¹. Материалом исследования стали экспедиционные записи исполнения народных песен, зафиксированного в населённых пунктах Одоевского, Белёвского, Суворовского, Дубенского, Арсеньевского районов Тульской области (с «эпицентром» в Одоевском районе) разными собирателями в период с 1975 по 2023 год. Как показывает практика, примерно полувековой период сбора и обработки музыкально-этнографических образцов позволяет составить более или менее объёмное представление о динамике песенной системы. Сходные рамки наблюдаются в анализе современного состояния песенных традиций у других авторов, причём не только на русском материале [3, с. 175].

Основу методологии исследования составили научные положения структурно-типологического подхода, сформулированные в трудах Е. Гиппиуса, М. Енговатовой, Б. Ефименковой и других учёных.

¹ Особенности данной этномузыкальной системы подробно рассматривались автором статьи в диссертации: Гайсина Ю. В. Верхнеокская песенная традиция Тульского региона как этномузыкальная система: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. М., 2008. 258 с.

Рассматривая динамику региональной песенной системы применительно к верхнеокской традиции Тульского региона, следует отметить, что здесь система не столько деградировала, сколько модифицировалась под влиянием новых культурных условий. При этом скрепляющие её механизмы по-прежнему живы и вполне работоспособны. Можно обнаружить ряд направлений модификации песенной стилистики наряду со стабильно сохраняющимися признаками.

К числу **стабильных** признаков относятся следующие:

1) преобладание жанров, связанных с движением, стилистически сходных с южнорусскими скорыми хороводными песнями (включая песни свадебного обряда);

2) количественное доминирование в песенной системе свадебных, лирических и хороводных песен, составляющих вместе её стилевое ядро;

3) наличие напевов календарных обрядовых жанров (представлены в меньшей степени);

4) превалирование «квадратных» — со «слоговой музыкально-ритмической формой» (СМРФ, по терминологии Б. Ефименковой²) из четырёх построений на основе восьми- (реже шести-) временных «малых ритмических единиц» (МРЕ) (см. примеры № 1 а–д) в корпусе ритмических структур;

5) ладомелодическое строение напевов характеризуется сочетанием трихордовой ангемитоники и диатоники (возможно сочетание данных принципов

Пример № 1 а–д

Example No. 1 a–e

Ритмические формы с восьмивременными малыми ритмическими единицами

Rhythmical Forms with Eight-Temporal Small Rhythmical Units

а) Красная калина | Весь лес украсила
Ой, лёшонки лёли | Весь лес украсила

б) Уж ты Грунюшка, Груня, Груня, ягода моя
Ой ли, ой ли, | Ой, яли, яли, яли

в) Ты рябинушка, Ты кудрявая
Ты когда взошла, | Когда выросла

г) Мы распашем землю-чернозём, Мы распашем землю-чернозём,
Роза, роза, | чернозём, Что это за роза, чернозём.

д) В саду Маша гуляла, В саду Маша гуляла, гуляла
Гуляла, гуляла, | Красавица девица, гуляла

² В настоящей статье ритмические структуры рассматриваются в соответствии с положениями монографии Б. Ефименковой. См.: Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора». М.: Композитор, 2001. 356 с. Описание используемых терминов приводится на с. 37–49.

звукорядности организации в разных мелодических ячейках³ одного напева), а также стилистики инструментальных наигрышей общерусского распространения;

б) закономерности музыкальной организации, родственные диатоническим инструментальным наигрышам общерусского распространения, обнаруживают себя в напевах самых разных жанров, в том числе в медленных напевах поздневесенних хороводов и в лирических песнях (ср. примеры № 2 а, б);

Пример № 2 а Хороводная песня. Село Стояново, Одоевский район. Запись и нотация Ю. Гайсиной (1999)

Example No. 2 a Round Song. Stoyanovo Village. Odoyev District. Recording and Notation by Yulia Gaisina (1999)

Музыкальный пример № 2 а: Хороводная песня. Село Стояново, Одоевский район. Запись и нотация Ю. Гайсиной (1999). Состоит из четырех систем нотации с русскими и латинскими транслитерациями слов.

7) сопоставление всех напевов песенной системы посредством совмещения их ладовых функций (опорных тонов, ладовых оппозиций, звуков трихордов) позволяет говорить, что вместе их звукоряды

Пример № 2 б Мелодия инструментального наигрыша «Светит месяц»

Example No. 2 b Melody of an Instrumental Tune "The Crescent is Shining"

Музыкальный пример № 2 б: Мелодия инструментального наигрыша «Светит месяц». Состоит из двух систем нотации с русскими и латинскими транслитерациями слов.

образуют единую суммарную звукорядную акустическую шкалу⁴ сложной структуры (объединяющей трихордовую ангемитонику и диатонику), в которой указанные напевы и разворачиваются (схема 1)⁵;

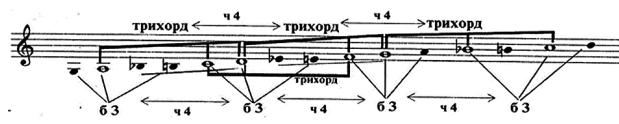

Схема 1. Единая суммарная акустическая звукорядная шкала
Scheme 1. The Unitary Aggregate Acoustic Pitch Scale

8) данная шкала имеет четкое территориальное закрепление и охватывает песенные традиции сёл, расположенных в пределах 30–35 километров к северу, западу и востоку от города Одоева, а также в пределах 40 километров к югу в зоне вокруг оборонительных засечных черт, создававшихся когда-то по берегам реки Упы для противостояния татаро-монгольским набегам; выход за пределы исследуемой

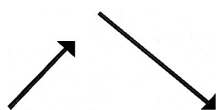
³ Используемое здесь понятие мелодической ячейки описывается в публикации: Енговатова М. А., Ефименкова Б. Б. Звукорядная организация русских народных песен в свете структурно-типологических исследований // Звукорядное строение народных мелодий (принципы анализа): материалы науч.-практ. этномузыкологической конф. (ДТК «Руза», 11–16 февраля 1991). М., 1991. С. 27.

⁴ Представление и обоснование данной шкалы см. в кн.: Гайсина Ю. В. Верхнеокская песенная традиция Тульского региона. Этномузыкальная система. LAP LAMBERT Academic Publishing, Germany, 2011. С. 136–145.

⁵ Все нотные примеры, приведённые в настоящей статье, транспонированы в соответствии с указанной шкалой для удобства анализа и сопоставления.

территории обнаруживает бытование напевов, строение которых не вписывается в упомянутую выше единую суммарную звуковысотную акустическую шкалу;

9) напевам описываемой этномузыкальной системы свойственно наличие ограниченного числа типовых моделей развёртывания мелодических структур — по терминологии автора статьи, «векторных моделей»⁶ с определённым мелодическим контуром, закрепляющих направление движения мелодики и ритм смены ладовых функций в напевах контрастного ладового наклонения и имеющих специфическую звукоязычную основу (см. «векторную модель» в схеме 2);

$$d^* - (f) g^* - d,$$

где d, f, g — звуки единой суммарной акустической звуковысотной шкалы, * — зона вероятного формирования кластера или вариативности тонов.

Схема 2. «Векторная модель» развёртывания мелодических структур

Scheme 2. The “Vector Model” of the Unfolding of Melodic Structures

10) традицию характеризует координация упомянутых выше «векторных моделей» с самыми разнообразными ритмическими формами (см. примеры № 3 а–к).

В числе направлений **модификации** песенной системы обозначим следующие:

Пример № 3

Ладовые функции «векторной модели»
(цветом выделены её опорные точки)

Example No. 3

The Modal Functions of the “Vector Model”
(Its Sable Spots are Highlighted in Color)

1) вытеснение и замещение наиболее древних напевов календарных обрядовых жанров (ещё встречающихся в экспедициях 1970-х годов) напевами более позднего происхождения; ярким примером может служить Масленица в селе Стояново Одоевского района, где свадебная песня «У нас по сеношкам», изначально предназначенная для величания жениха и невесты на свадьбе, стала использоваться для величания другой «супружеской пары»: кукол Масленки и Поста, выступающих центральными фигурами обряда опахивания (кругового обхода) села в рамках местного Масленичного обрядового комплекса (см. пример № 4);

⁶ Подробное описание и обоснование данного термина см. на с. 113 диссертации: Гайсина Ю. В. Верхнеокская песенная традиция Тульского региона как этномузыкальная система. Дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. М., 2008.

Пример № 4 Величальная песня «За ёлкой».
Село Стояново, Одоевский район.
Запись и нотация Ю. Гайсиной (1999)

Example No. 4 Glorifying Song "By the Christmas Tree".
Stoyanovo Village. Odoyev District.
Recording and Notation by Yulia Gaisina (1999)

Пример № 5 Хороводная песня. Деревня Животова, Одоевский район.
Запись Ю. Багрия (1976), нотация Ю. Гайсиной

Example No. 5 Round Song. Zhivotovo Village. Odoyev District. Recording by Yuri Bagriy (1976),
Notation of Yulia Gaisina

Пример № 6 Святочные гадания. Село Болото, Белёвский район.
Запись и нотация В. Трохина (1988)

Example No. 6 Christmastime Fortunetelling. Boloto Village, Belyov District.
Recording and Notation by Vladimir Trokhin (1988)

2) уход из бытования наиболее сложных ритмических структур, в первую очередь — несимметричных форм и форм троичной ритмики (бытовали в напевах троичных хороводов, в песнях святочных гаданий — см. примеры № 5, 6);

3) замена типовых структур «формульных» напевов (к примеру веснянок) напевами более сложной (многосоставной) структуры, но более привычными для современного музыкального мышления;

например, песенными образцами с частушечной строфой из четырёх рифмованных ритмических построений (похожее явление усложнения типовых структур в данной жанровой группе было описано Т. В. Дайнеко в статье

о белорусах Сибири и Дальнего Востока [4, с. 17–18]);

4) количественное сокращение ладовых структур на основе трихордовой ангемитоники и увеличение диатонических напевов, в том числе в стилистике инструментальных наигрышей общерусского распространения;

5) общая тенденция к выравниванию звукорядов, к диатонизации, в том числе путём заполнения трихордов диатоническими звуками;

6) осовременивание звукорядов при сохранении «векторных моделей» напевов — возможная миграция древнего напева в современный ладовый строй при графическом совпадении общего мелодического контура и сходстве ритмической структуры (ср. примеры № 7 а, б);

Пример № 7 а Хороводная песня. Село Стояново, Одоевский район. Запись и нотация Ю. Гайсиной (2000); версия Н. Богдановой (1931 г. р.)

Example No. 7 a Round Song. Stoyanovo Village. Odoyev District. Recording and Notation by Yulia Gaisina (2000); version of Nadezhda Bogdanova (born 1931)

Пример № 7 б Хороводная песня. Село Стояново, Одоевский район. Запись и нотация Ю. Гайсиной (2000), Версия Т. Афанасьевой (1929 г. р.)

Example No. 7 b Lyrical Song. Stoyanovo Village, Odoyev Region. Recording and Notation by Yulia Gaysina (1999)

7) переосмысление квартовых ладовых опор напевов и тенденция к их трактовке в качестве опорных тонов гармонических функций тонально-гармонической системы — при реализации

данной тенденции трихорд перемещается в нижнюю часть амбитуса напева (см. подчёркнутый трихорд в примере № 8), а веснянки с квартовым амбитусом сегодня могут быть спеты под гармошку с тонико-доминантовым аккомпанементом (в соответствии с процессами, описанными в пункте 6);

Пример № 8 Лирическая песня. Село Стояново, Одоевский район. Запись и нотация Ю. Гайсиной (1999)

Example No. 8 Lyrical Song. Stoyanovo Village, Odoyev Region. Recording and Notation by Yulia Gaysina (1999)

8) уход из бытования древних напевов со взаимозаменяемостью опорных тонов, а также с зонным интонированием ступеней трихорда (последняя запись такого рода была осуществлена около десяти лет назад, при этом в 1970-е годы так пели многие, и расшифровывать такие напевы в общепринятой системе нотации было трудно; одна из версий нотации представлена в примере № 7);

9) изменение многоголосного склада напевов (оперирование не только кластерами, но и терцовыми комплексами секундого соотношения, подмена ладовых оппозиций типа «кластер-унисон» на квартовое соотношение гармонических функций, что модифицирует вертикальный компонент лада, из которого уходит вариантная гетерофония);

10) изменение вокальных приёмов и в целом манеры пения — уход (или частичный уход) из аутентичной практики календарной вокальной манеры с резким открытым звуком, обращения к камерному «округлому звучанию», напоминающему академическое романсовое

исполнительство (сходное явление наблюдалось, в частности, в экспедициях в Брянской области, где ранее песни имели яркий, «звонкий», безошибочно узнаваемый на слух исполнительский стиль; в последние десятилетия в ряде сёл он стал сменяться на тихое пение в «округлой манере»).

Звуковая среда, в которой росли местные жители и в которой они осваивали родную песенную традицию, в настоящее время кардинальным образом изменилась. Модифицировалось то, что получило название «акустического поля» песенной системы. Наиболее сложные звуковые явления, выходящие за рамки темперированного строя, с трудом осознаются нынешним поколением; интервалы менее полутона, как правило, интонируются только в манере мелоречитации или в случае погрешностей музыкального слуха исполнителей. В то же время даже при ладовой модификации напевов наиболее прочно в памяти носителей традиции утвердились именно мелодические контуры напевов, их «векторные модели», что подтверждается примерами миграции напевов из лада в лад.

Не менее важным фактором выступает исчезновение этнографического контекста наиболее архаичных обрядов (особенно календарных, как, например, обряд похорон мух с его плачами по «мушке-блошке»). А вне контекста пожилые жители сёл считают неуместным петь старинные песни. Часть жанров в данных условиях не только модифицируется структурно, но и мигрирует в специфические субкультуры «детских», «взрослых», «смешанных» фольклорных ансамблей, формируемых на базе местных Домов культуры. Она обрастает собственным, иным контекстом (особенно сценическим) и вплетается в новую

культурную среду, — в подсистему, уже не охватывающую всех жителей поселения, но тем не менее весьма важную для местных сообществ. Как известно, «...антропологический подход позволяет представлять культуру как состоящую из множества субкультур» [5, с. 55], и в нашем случае реалии традиционного быта и традиционные напевы становятся именно частью одной из субкультур села, а вовсе не массовым явлением.

Бабушки-песенницы с их традиционными музыкально-эстетическими идеалами в данном контексте оказываются весьма малочисленной социальной группой, причём далеко не самой популярной или авторитетной. Они всё реже оказываются в условиях, где можно было бы вспомнить песни своего детства и юности, им становится всё труднее воспроизвести даже то, что они когда-то регулярно пели и реализовывали в обрядовых практиках. Мощнейшим фактором сохранения и даже возрождения песенной системы в таких условиях является приезд столичной или местной областной фольклорно-этнографической экспедиции, стимулирующей пожилых жителей села к воспроизведению и к реконструкции старинных обрядов и песен.

По нашим наблюдениям, регулярная полевая работа позволяет ежегодно в одних и тех же населённых пунктах фиксировать от одних и тех же певиц всё новые и новые песни. В частности, в селе Стояново во время первого приезда исследователей было записано около трёх десятков музыкальных образцов, тогда как при последующих визитах их количество превысило полторы сотни: местные жительницы постепенно смогли восстановить в коллективной памяти весьма внушительный музыкальный пласт и вспомнить особенности его этнографического

контекста. При популяризации народного искусства состав аутентичных ансамблей начинает омолаживаться: более поздние поколения слышат традиционные напевы, видят престижность данного вида деятельности в глазах авторитетных лиц, начинают сами приобщаться к традиционной культуре. Не исключено, что в результате происходящих процессов в ближайшее время мы столкнёмся с явлением «изобретения традиции» (в том числе в среде фольклорных ансамблей), о котором в последние годы пишут многие учёные, в том числе Е. Лобанкова в своей монографии в связи с анализом

«русских черт» стиля отечественных композиторов XIX века⁷.

В заключение следует отметить, что возникающие в результате действия вышеописанных механизмов песенные системы верхнеокских сёл даже при общей тенденции к «общерусскому стилю» сохраняют связи с традициями прошлых лет и при этом обнаруживают уникальные музыкально-стилевые особенности, которые ещё предстоит исследовать. Они демонстрируют положительную динамику в развитии этномузыкальной системы более крупного плана и продолжают активно эволюционировать.

Список источников

1. Кислова О. Н. Детские и юношеские песни в собрании Н. Львова и И. Прача, их варианты и трансформация в условиях современного исполнительства // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2020. № 4 (58). С. 45–52. DOI: 10.26086/NK.2020.58.4.015
2. Шастина Т. В. Воссоздание песенно-танцевальных явлений русского народа в современном этновокальном образовании // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 4 (53). С. 120–127. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-4-120-127
3. Нургаянова Н. Х. Современные формы бытования этномузыкальных традиций сибирских татар // Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 66–75. DOI: 10.24411/2308-1031-2020-10025
4. Дайнеко Т. В. Весенние песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: структурно-ритмическая типология // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 9–25. DOI: 10.17223/18137083/82/1
5. Рудиченко Т. С. Жанровые системы музыкального фольклора: подходы к построению // Южно-Российский музыкальный альманах. 2021. № 2. С. 52–59. DOI: 10.52469/20764766_2021_02_52

Информация об авторе:

Ю. В. Гайсина — кандидат искусствоведения, старший методист по подготовке кадров высшей квалификации.

⁷ Лобанкова Е. В. Национальные мифы в русской музыкальной культуре. От Глинки до Скрябина: историко-социологические очерки. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: Галина скрипсит, 2014. 416 с.

References

1. Kislova O. N. Children's and Youth Songs in the Collection of N. Lvov and I. Prach, Their Variants and Transformation in Conditions Modern Performance. *Actual Problems of High Musical Education*. 2020. No. 4 (58), pp. 45–52. (In Russ.) DOI: 10.26086/NK.2020.58.4.015
2. Shastina T. V. Recreation of Song and Dance Phenomena of the Russian People in Modern Ethnical Education. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2022. No. 4 (53), pp. 120–127. (In Russ.) DOI: 10.30725/2619-0303-2022-4-120-127
3. Nurgayanova N. Kh. Modern Forms of Existence of Ethno-Musical Traditions of the Siberian Tatars. *Journal of Musical Science*. 2020. Vol. 8, No. 2, pp. 66–75. (In Russ.) DOI: 10.24411/2308-1031-2020-10025
4. Dayneko T. V. Spring Songs of Belarusians of Siberia and the Far East: Structural-Rhythmic Typology. *Siberian Journal of Philology*. 2023. No. 1, pp. 9–25. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/82/1
5. Rudichenko T. S. Genre Systems of Musical Folklore: Construction Approaches. *South Russian Musical Anthology*. 2021. No. 2, pp. 52–59. (In Russ.) DOI: 10.52469/20764766_2021_02_52

Information about the author:

Yuliya V. Gaisina — Cand.Sci. (Arts), Senior Methodologist for Training Highly Qualified Personnel.

Поступила в редакцию / Received: 16.10.2023

Одобрена после рецензирования / Revised: 07.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 10.11.2023